

ИДЕОЛОГИЯ ПРЕД-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ.

а) Меновой фетишизм.

И крепостная, и ремесленно-цеховая система живут еще в рамках авторитарного мышления. Иначе и быть не может: общий строй жизни и здесь и там еще авторитарный, суровый и грубо-эксплуататорский в крепостной организации, патриархально-мягкий в цеховой, но все-же в целом авторитарный, основанный на сословной власти и сословном подчинении. Только внутри этих рамок, еще не разрывая их, росли новые, товарно-меновые отношения. Они глубоко изменяли самое содержание экономической жизни, ее внутреннее строение, связь ее элементов: они обострили землевладельческую эксплуатацию и подрывали ее жизненный смысл—организаторскую функцию землевладельца; они сделали братства ремесленников союзами монополистов городского рынка;—но очертания социальной системы оставались прежние. Соответственно этому, оставалось в силе феодально-религиозное мировоззрение, в частности для Западной Европы—католицизм. Но уже незаметно складывались элементы иной, новой идеологии, которая открыто еще не сталкивалась с господствующей системой, по существу же стояла в противоречии с ней и подтачивала ее основы. То был меновой фетишизм.

Авторитарное общество, как патриархально-родовое, так и феодальное, характеризуется существованием сплоченных трудовых коллективов, где взаимные отношения людей для них ясны и понятны, где их сотрудничество выступает в открытой, ничем не замаскированной форме. Просты и свободны от противоречий, как отношения организаторов к их подчиненным—исполнителям, так и этих последних между собою. Именно потому люди и объясняют себе тогда связь внешних явлений, всей природы, по образцу связи социальной, строения общества, представляют причинность как господство одних вещей над другими, приписывают вселенной феодальный порядок с сюзеренно-вассальной системой богов высших и низших, от Зевса или христианского бога до самых мелких «героев», или «святых», и т. под. Такова сущность фетишизма натурально-хозяйственного, который можно выразить формулой: *отношения вещей понимаются, как отношения людей.*

Обмен представляет своеобразно замаскированную и затемненную для его участников форму сотрудничества. В акте обмена реализуется общественное разделение труда: если А и В поменялись товарами, которые они произвели, то *объективно* оказывается, что А работал для В, и В — для А, как члены одного трудового коллектива; при этом безразлично, будут ли А и В двумя отдельными родовыми общинами, или двумя самостоятельными товаропроизводителями, напр., крестьянином и ремесленником. Но для самих участников обмена дело обстоит совершенно иначе: они в меновом процессе не видят и не могут видеть *общего* коллектива, а напротив, для них обмен возникает на основе обособленности, независимости, первоначально — даже враждебности их коллективов.

На первых шагах своего развития обмен, как мы знаем, являлся чаще всего закреплением мирного договора между двумя родовыми группами, которые либо прекращают военную борьбу между собою за истощением сил, либо не решаются начать ее, в виду сомнительности исхода. Но и тогда, когда меновые отношения становятся более постоянными, более систематическими, они еще долго не утрачивают своей практической связи с войною и грабежом: переход от торговых переговоров к боевой схватке остается весьма обычным делом; одни и те же лица в общинном разделении труда выступают как военные организаторы и как представители общин при обмене; а когда в усложнившейся общественной системе дифференцируется профессия торговца, то вначале она совмещается обыкновенно с профессией разбойника или пирата.

Впоследствии эти *исторические* основы затмения менового сотрудничества психологией борьбы, конечно, отпадают, но внутренняя экономическая логика обмена существенно не меняется. Даже в самых мирных своих проявлениях он заключает момент борьбы, точнее — сохраняет *форму* борьбы, и эта форма тяготеет над сознанием товаропроизводителей.

Во всяком акте обмена — без исключения — имеется налицо по меньшей мере борьба между двумя контр-агентами: «продавцом» и «покупателем»; каждый из них старается взять с другого возможно больше и отдать ему возможно меньше; интересы обоих взаимно противоположны. Антагонизм этот обнаруживается резче или мягче, в явном или в скрытом виде; но он всегда существует, как первичное противоречие, разъединяющее две стороны в обмене и скрывающее за собою их взаимную связь, их взаимную необходимость в общественном разделении труда.

Именно здесь лежит начало меновой идеологии с ее своеобразным фетишизмом. Сотрудничество, которое выражается в обмене товарами, вполне замаскировано борьбою интересов, которая одна захватывает внимание участников менового акта, одна удерживает за собою их сознания, потому что только она жизненно-важна для них в этот момент; в ней — экономи-

ческий успех товаро-производителя, или его поражение. Именно эта борьба прежде всего замыкает хозяйства товаро-производителей в их формальной независимости и обособленности одно от другого. Устраняется возможность более тесного единения между ними и сознательного их взаимного регулирования — возможность коллективистического развития. Реальный трудовой коллектив с его общественным разделением функций, благодаря этому, не существует для его членов.

Дальнейшее развитие обмена еще расширяет и усложняет борьбу интересов. Когда меновые отношения становятся прочными и систематическими, когда создаются «рынки», где обычно уже встречаются по несколько продавцов и покупателей одного и того же товара, тогда на сцену выступает новая, производная от первой, форма экономической борьбы, а именно конкуренция между продавцами и конкуренция между покупателями. Это явление вначале слишком незначительно по своим размерам и слишком непостоянно, чтобы играть важную роль в жизни; продавцу еще редко приходится в своей борьбе с покупателем испытывать враждебное давление со стороны других продавцов, сбивающих цену; но где оно возникает, там оно быстро становится чрезвычайно чувствительным для него. Конкурент не только обессиливает продавца в его борьбе из-за цены с покупателем, но иногда прямо отнимает у него покупателя, лишает его возможности продать свой товар, возможности реализовать произведенную стоимость. И эта опасность во времена слабо развитого обмена вовсе не в меньшей степени угрожает товаропроизводителю, чем во времена широко развернувшейся жизни рынка. Если мало конкурирующих между собою продавцов данного товара, то ведь так же немного и покупателей на него; рынок лишен еще всякой эластичности, и если наличные два-три покупателя выменяли у кого-нибудь из продавцов достаточное для себя количество данного товара, то уже никакое понижение цены не может другому или третьему продавцу сбыть свой запас. Вот почему конкурент начинает в сознании товаропроизводителя представляться как существо еще более экономически-враждебное, чем контр-агент: покупатель необходим продавцу, как и продавец покупателю; но конкурент отнюдь не нужен ни тому, ни другому; покупатель может дать плохую цену, конкурент может предупредить и не допустить самую продажу товара.

Таким образом, конкуренция уже в самых первых своих проявлениях воспринимается товаропроизводителями, как жесточайшее зло, с которым они усиленно борются. На систематической борьбе с постоянно вновь и вновь нарождающейся конкуренцией в конце-концов строится вся ремесленно-цеховая организация.

Формально отграничивая и обособляя борьбою и противоречиями интересов маленькие части общественной системы разделения труда, обмен создает первую и основную иллю-

зию—*индивидуального хозяйства*. Хозяйства действительно индивидуального, экономически вполне самостоятельного и самодовлеющего, нет и не может быть при меновых отношениях; каждое «частное» хозяйство живет в более или менее значительной мере трудом других, воплощенным в их товарах. Чем дальше расширяется и углубляется меновая жизнь в обществе, тем более развивается этот *объективный* трудовой коллективизм социального целого, тем менее каждое предприятие способно существовать без других и независимо от них. Но в то же время сознание товаропроизводителя все сильнее проникается идеей отдельности его хозяйства от других, представлением об их взаимной борьбе и розни, исключаям всякую мысль об их сотрудничестве. Действенное социальное единство недоступно меновому мышлению.

Основная иллюзия порождает другие, производные. Из мнимой экономической обособленности участников обмена возникает извращенное понимание самого менового отношения той закономерности, которая начинает в нем замечаться, как только оно становится обычным фактом социального бытия людей.

Эта закономерность выражается словами: «меновая стоимость товаров», или их «ценность». На практике рынка у людей вырабатывается убеждение, что пропорции товарообмена не случайны, что каждый товар имеет свою особую «ценность», в приблизительном соответствии с которой его и приходится обменивать на другие товары. Научный анализ выясняет нам, что в «ценности» воплощается социально-трудовое отношение людей, что она сводится к тем количествам общественно-необходимого труда, которое заключается в товарах, и что ее господство в обмене есть объективное условие жизнеспособности хозяйств, захваченных властью рынка. Но для самого товаропроизводителя дело представляется иначе.

Коллективно-трудовой характер стоимости для него непонятен и невидим, ибо замаскирован антагонизмами рынка и формальной отдельностью частного хозяйства. Но в то же время стоимость для него—реальный факт, сила, управляющая его действиями при обмене, норма, к которой он на деле вынужден приспосабливаться. Эту объективную силу он не может приписать ни себе ни своему контр-агенту, который подчинен ей так же, как и он сам; и так как для него коллектив не существует то происходит то, что он приписывает ее просто самому товару. «Меновая стоимость» оказывается свойством товаров, меновая пропорция их взаимоотношением на рынке. *Связь людей понимается, как связь вещей*, в чем и состоит товарный фетишизм.

Фетишизм этот является результатом долгого исторического пути. В эпохи натурально-хозяйственные создаются только его зародыши; и даже в переходные пред-капиталистические эпохи он не достигает еще своего полного развития.

Его основа — распадение непосредственно-трудовых коллективов, господство индивидуального хозяйства, а вместе с тем — господство рынка над трудовой жизнью. Пока обмен остается явлением не постоянным, не повторяющимся часто, не абсолютно необходимым в жизни родовой или феодальной общины, — самое понятие «стоимости» не может оформиться, как определенная и устойчивая концепция. Но и в дальнейшем, когда оно уже сложилось, а преобладающей формой производства все еще является натурально-хозяйственная, которая и служит тогда основной «моделью человеческого мышления», «идея «стоимости» не может приобрести законченного товарно-фетишистического характера.

Так Фома Аквинский, писатель XIII века, т.-е. эпохи развития крепостного и ремесленного строя, высказывал по поводу об обмене взгляды, внешним образом напоминающие теорию трудовой стоимости, и далеко не совпадающие с представлениями товарного фетишизма. Он полагал, что при продаже и покупке нельзя руководствоваться стремлением взять как можно больше, отдать как можно меньше; для товаров, по его мнению, существуют определенные «справедливые цены», которых и должен придерживаться религиозно-нравственный человек. «Справедливая» же цена есть такая, которая достаточна для производителя, чтобы он мог *жить своим трудом* в достатке соответствующем его положению в обществе; эту точку зрения он применяет безразлично и к ремесленнику, и к торговцу, за которым признает право на «справедливое» вознаграждение в соответствии с его трудами по перевозке товаров, их продаже и т. под. — Если анализировать идею Фомы Аквинского относительно справедливой цены, то в ней мы найдем своеобразное, но исторически как нельзя более естественное понимание нарождающихся меновых отношений с точки зрения феодально-сословных форм мышления.

В самом деле, наличность представления о справедливой, т.-е. нормальной и, притом, для религиозного мировоззрения тех времен, свыше установленной цены товаров ясно говорит о значительно уже выработанном понятии меновой закономерности, т.-е. ценности. Но рамки этого понятия, абстрактно-пустого в своем законченном виде, здесь еще заполняются привычным, старым экономическим содержанием. В авторитарно-организованном, натурально-хозяйственном коллективе каждый выполняет функцию, какая ему указана властью или традицией, и каждый получает при распределении столько, чтобы иметь возможность выполнять свою функцию и жить соответственно тому положению в коллективе, которое с ней связано: чьи функции «выше», т.-е. имеют более организаторский характер, тот получает больше, чьи «ниже» — тот меньше. Феодально-сословные деления и представляют в своей основе такие ступени социальной организации, закрепленные идеологией: рыцарь должен из-

влекать из подвластных ему крестьян достаточно оброков и барщины, чтобы жить, как подобает рыцарю; дружиннику он должен уделять столько, чтобы тот мог существовать, как надлежит дружиннику, хорошо питаясь и накапливая физическую силу, необходимую для боя, и т. д. Эту самую точку зрения Фома Аквинский применяет к растущей среди старых социальных отношений новой, меновой организации: ремесленник должен жить, как подобает ремесленнику, торговец — как торговцу, и соответственно этому им следует определить цену своих товаров. Тогда, все будет идти согласно божественной справедливости, т.-е. согласно духу традиционных форм производства.

Ремесленные корпорации, той эпохи, в своей борьбе с конкуренцией и при нормировании цен, несомненно, занимали позицию, родственную взглядам Фомы Аквинского, и он в значительной мере является идеологом цехов. Но во всяком случае — не вполне. Идеология всегда отстает от жизни, как форма от порождающего ее содержания. На практике даже цехи не могли строго проводить принцип «справедливой цены»: устанавливая одинаковые для всех своих членов цены, всякий цех неизбежно стремился назначить их как можно выше, настолько, насколько позволяли условия городского рынка и противодействие других корпораций, отстаивавших по отношению к данному цеху свои потребительские интересы. В этой борьбе, разумеется, не «справедливая цена» определялась условиями «достойного существования» данной группы ремесленников, а наоборот, их уровень существования ближайшим образом определялся теми ценами на их продукты, которых им на деле удавалось добиться и закрепить. Предел, на который наталкивались при этом их усилия, фактически мог до известной степени отклоняться от трудовой нормы; напр., несомненно, что город, опираясь на свою высшую организацию, эксплуатировал тогда путем обмена феодальную, и затем крепостную деревню. Но самое существование такого предела неизбежно вело к мысли об объективной норме обмена, связанной с данным товаром, т.-е. о «стоимости», как объективном его свойстве. А религиозно-феодальное понимание стоимости также неизбежно отпадало по мере того, как меновой процесс разрывал свои противоречия.

Обособлявшийся мало-по-малу класс торговцев и ростовщиков был главным носителем новых форм экономического сознания. Жажда накопления денег, как стимул хозяйственной деятельности, всего ярче выгажала собою господство товарного фетишизма над этими элементами общества.

б) Деньги и жажда накопления.

Развитие товарного фетишизма совпадает в зависимости от самой формы обмена; оно ничтожно в эпоху обмена случайного, и незначительно, когда обмен становится уже

обычным явлением, но имеет непосредственный, «натурально-товарный» характер. Только на денежной стадии возможно завершение меновой идеологии.

Денежная форма стоимости обладает особыми и замечательными свойствами, которые с величайшей точностью были выделены анализом Маркса. Основное из них определяется функцией денег, как орудия обмена, и заключается в особенности денег *непосредственно обмениваться* на какой угодно товар, лишь бы их количество было достаточным. Вследствие этого они уже служат *орудием оценки*: именно в деньгах выражается стоимость всякого товара. То и другое придает деньгам в сознании товаро-производителя характер истинного воплощения меновой стоимости. Денежный товар уже не интересует товаропроизводителя со стороны своей «потребительной ценности» в обычном смысле слова, напр., золото — как предмет украшения. Нет, оно интересует его именно, как средство покупки любого товара вообще, т.е. как универсальная форма меновой стоимости. «Потребительная ценность» денег, таким образом, сама сводится к их меновой стоимости. Таким образом, в меновом мышлении завершается отвлечение одной стороны товара, его стоимости, от другой стороны — «потребительной ценности». Обе они для товаропроизводителя находят себе реальное, конкретное выражение в двух отдельных — «вещах»: одна в деньгах, другая в нужном продукте, который за них покупается.

Вместе с тем в деньгах завершается и формальный разрыв связи индивидуального хозяйства с производственным коллективом, к которому оно объективно принадлежит. При непосредственном обмене трудовая связь его участников не могла быть вполне затупевана и затемнена для них борьбой интересов: трудовой продукт одной общины обменивался на трудовой продукт другой, каждая в своем товаре ценила свою коллективную работу, и не могла не понимать, что таково же отношение другой стороны к своему товару; сознание того, что дело сводится к обмену труда на труд, не могло вполне исчезнуть. Но когда между товарами в роли посредника выступают деньги, а затем, соответственно этому, между производителями — торговцы, тогда трудовое отношение оказывается вполне замаскированным, окончательно скрытым от участников обмена: производитель меняет свой товар на деньги купца, которые обычно вовсе не произведены трудом этого последнего, и покупает у него нужные товары за деньги, которых равным образом сам не производил. В поле его зрения остается только связь рынка, — она имеет форму борьбы интересов; и производитель чувствует себя обособленным, изолированным в своем «индивидуальном» хозяйстве.

Индивидуалистическая иллюзия обволакивает тогда социальные свойства продукта; не только меновая, но и потре-

бительная ценность, как она понимается в меновом обществе, носит на себе печать этой иллюзии.

В самом деле, социальные свойства продукта всецело сводятся к двум моментам: он получается ценою *затрат общественно-трудовой энергии*, он служит обществу для удовлетворения его потребностей, т.-е. является для него *источником жизненной энергии*. Оба эти полярные свойства продукта—его общественная стоимость и общественная полезность—своеобразно пересдеты в мышлении товаропроизводителей, одно до полной неузнаваемости, другое—в меньшей степени. Общественная стоимость принимает форму меновой, общественная полезность—потребительной ценности для индивидуального хозяйства.

В организованном обществе, напр., в родовой общине, распределение труда между работниками регулируется *трудовой стоимостью* социально-производимых продуктов, так, чтобы на каждый продукт затрачивалось именно столько рабочей энергии, сколько для коллектива требуется, и сколько он в то же время может уделить; причем такое регулирование совершается непосредственно и планомерно. В обществе неорганизованном, меновом, ту же роль играет *меновая стоимость* товаров,—играет ее стихийно, под оболочкой изменяющейся денежной цены товаров. Если на производство какого-нибудь товара фактически тратится больше работы, чем данному обществу нужно, то рынок заставит производителей товара понять и почувствовать это посредством понижения цены товара. В противоположном случае рынок путем повышения цен направит в данное производство увеличенное количество труда. Равным образом меновая стоимость, отражая в своей величине рост или уменьшение производительности труда (т.-е. изменение трудовой стоимости продуктов), тем самым вызывает необходимое при этом перераспределение рабочей энергии между отраслями производства. Словом, по своей функции меновая стоимость товарного общества тождественна с трудовой—общества натурально-хозяйственного, и есть ничто иное, как историческое переодевание трудовой стоимости на определенной ступени социального развития.

В обществе организованном количество и качество производимых продуктов регулируется коллективными потребностями,—т.-е. *социальной полезностью* этих продуктов. В обществе меновом на место социальной полезности становится индивидуально-хозяйственная, или «потребительная» ценность товаров. В организованном обществе нет иных потребностей, кроме социально-производственных; и потребности каждого производителя являются таковыми же,—они удовлетворяются именно на том основании, что это необходимо для выполнения его общественно-трудовой функции, и, значит, постольку, поскольку для нее необходимо. В меновом обществе всякая производственная потребность в том или ином

продукте представляется, как потребность отдельного, частного хозяйства, и удовлетворяется на том основании, что индивидуальные хозяйства предъявляют на рынке спрос на этот продукт,—следовательно, постольку, поскольку они спрос предъявляют. Объективно же и здесь существо дела остается прежнее; рынок только маскирует новую оболочкой потребности социально-производственной системы с неорганизованным разделением труда. Индивидуальное хозяйство получает нужные для него «потребительные ценности» в конечном счете благодаря тому, что оно участвует в общей системе производства и создает полезные для социального целого продукты ¹⁾, что и выражается в спросе на них со стороны рынка, в их продаже, которая должна предшествовать покупке других продуктов.

Но производственные отношения, составляющие основу отношений рыночных, *скрываются* за этими последними. Для товаропроизводителя остается видимым и несомненным только тот факт, что необходимые ему потребительные ценности он получает за деньги, и что деньги, как универсальное воплощение меновой стоимости, способны доставить ему какие угодно потребительные ценности, в зависимости только от своего количества. С точки зрения качества товаров, которые подчинены меновой силе денег, деньги свободны от всяких ограничений: за них должно купить абсолютно все, что продается. Но количество денег всегда ограничено, и всякая данная сумма их «истрачивается» для индивидуального хозяйства в актах покупки.

Здесь меновой фетишизм захватывает эмоциональную область, область «чувства»: от денег, от их количества зависит степень удовлетворения потребностей или степень неудовлетворенности. Возникает стремление без конца увеличивать количество денег, прибавлять деньги к деньгам, чтобы приобретать все большую возможность удовлетворения своих потребностей. Денежный фетишизм порождает ненасытную жажду накопления.

Представителями этой тенденции по-преимуществу выступают классы, наиболее вовлеченные в меновую жизнь: ростовщики, купцы, в античном мире также рабовладельцы, в эпоху крепостного права также помещики. Ее социальные результаты мы уже выясняли в историческом анализе: она всюду обуславливала обострение эксплуатации, а вместе с тем быстрее вырождение старых, на основе натурального хозяйства создавшихся общественных форм.

В развитии жажды накопления приходится различать две стадии. Вначале целью накопления представляется личное потребление, возможность приобретать потребительные

¹⁾ Явления паразитизма, социально-бесплодного потребления мы оставляем здесь в стороне; они—результат частичного вырождения и разложения общества.

ценности, какие только захочется, — возможность неограниченно удовлетворять при посредстве таинственной силы денег все свои желания. Дальше этой ступени обычно не идет фетишизм накопления у классов непосредственно-эксплуататорских, — у рабовладельцев помещиков. Но уже у торговцев, и особенно у ростовщиков тех же экономических формаций, намечается мало-по-малу иная высшая его фаза: стремление *накапливать для накопления*.

Каким образом могло возникнуть такое «абстрактное», оторванное от своей жизненной основы стремление? Путем процесса *специализации* групп, занятых денежным накоплением. В меновом обществе разделение труда подчиняет себе людей, суживает их кругозор, извращает отношение человека к его социальной функции. Обособляя индивидуальное хозяйство, делая его самостоятельным центром интересов, оно тем самым превращает специальность этого хозяйства в центральную жизненную задачу личности. Подобная тенденция, в различной мере, наблюдается во всех специальностях и, несмотря на свой фетишистический характер, имеет в ту эпоху весьма положительное значение, приводя к наибольшему возможному усовершенствованию личности в ее сфере труда. Что касается денежного накопления, то здесь эта тенденция выступает с наибольшей остротой, потому что данной специальности свойственно наиболее резкое противопоставление интересов личности интересам остального общества: ростовщик и профессиональный купец, особенно в ту эпоху, принуждены постоянно в своих операциях причинять явный и жестокий ущерб тем, кого они эксплуатируют; их социальная функция выделяется среди общественного процесса как нечто не только особое от других функций, но формально им враждебное. Здесь, поэтому, суживание поля интересов и сосредоточение на специальности достигает высшей степени: приобретение денег легко становится страстью, стихийно подавляющей все другие чувства.

С точки зрения накапливающего, между его деятельностью и той целью, которая первоначально ее одушевляет, т.е. широким удовлетворением личных потребностей, все сильнее ощущается коренное противоречие: чем больше тратится денег на эти потребности, тем меньше их накапливается, тем меньше у человека остается воплощенной меновой силы, к которой жадно стремится его сердце. На такой почве создается тип скупца, во всем себе отказывающего, едва не умирающего с голоду над горами золота, тип, знакомый уже и античному миру, и средним векам. Эмоциональная форма менового фетишизма, в этом крайнем развитии своей напряженности, порождает, как видим, своеобразный героизм. Для нас он в данный момент интересен, главным образом, как мера той власти над людьми, которую уже в те эпохи завоевала меновая идеология.

с) Частная собственность.

Из меновых отношений развивались шаг за шагом новейшие формы собственности. По существу своему, формы присвоения принадлежат, как мы видели, к производственным отношениям людей, но только не к непосредственным и основным, а к производным и косвенным: они сводятся к работе одних людей на других или для других, тогда как первичными являются отношения работы одних людей *вместе* с другими или *заодно* с другими, отношения сотрудничества в тесном смысле слова. Результатом присвоения является собственность; присвоение меновое воплощается в индивидуальной собственности, развитие формы которой образуют основу буржуазного общества.

Современные экономисты, исходя из буржуазных условий жизни, обычно применяют термины «присвоение», «собственность» ко всевозможным социальным формациям, не замечая, что в целом ряде случаев это — только метафора. Так, принято говорить о «коммунистической собственности» первобытных общин; но там, где производство и потребление совершаются сообща, нет основного момента «собственности», а именно — противопоставления собственника не-собственнику. Дикарь-коммунист может иметь привычку к данному орудию или оружию, которым он постоянно пользуется: но это еще — чисто техническое отношение человека к вещи. Когда он не работает, любой из его родичей беспрепятственно берет орудие, если оно ему нужно, и пока оно ему нужно; в этом выражается опять-таки *технический* коллективизм группы, общность ее *технического* аппарата; и экономист, который понял бы данный случай в смысле акта ссуды, оказанной «собственником» орудия другому лицу, впал бы в навязную модернизацию первобытных форм жизни.

Элементы, зародыши «присвоения» и «собственности» возникают тогда, когда среди общины выделяется организаторская функция — начало обособления индивидуальности. Тогда впервые создается в производственной системе противопоставление одного из сотрудников другим, и становится социально-возможным выделение некоторых орудий и предметов потребления, как принадлежащих одному лицу, в отличие от других; пример — украшения вождя, которых не может надевать никто из остальных членов общины. Но и это зародышевое присвоение связывается отнюдь не с личностью, а с функцией; и если вождю общины «принадлежит», положим, лучшее оружие, то он отнюдь еще не может «подарить» или «завещать» это оружие кому угодно: оно переходит к следующему вождю, после смерти первого, или даже при его жизни, если он стал негоден к исполнению роли вождя. Очевидно, к подобным отношениям концепция «собственности» еще совершенно не подходит: еще слишком прочна органическая связь родовой группы.

Настоящая «собственность» зарождается в *между-групповых* отношениях, и вначале именно как собственность *родовая*. Она кристаллизуется из обмена, который представляет из себя социальную форму «присвоения» уже в полном и точном смысле этого слова.

Акт обмена включает в себе противопоставление одной стороны, как собственника ее товара, другой стороне, как не собственнику этого товара, и обратно; вместе с тем обе стороны взаимно признают друг за другом собственность на товары. Ничего подобного не было до возникновения обмена: тогда две родовые группы, которым случалось столкнуться, являлись друг для друга не «собственниками», а только возможными или действительными врагами.—и все вещи, находившиеся в распоряжении одной из них, были для другой лишь более или менее вероятной добычей, в зависимости от боевой силы обеих сторон. Там, где нет социальной связи, как ее не было между отдельными родовыми общинами первобытных времен,—там нет и собственности, ибо она есть *социальное* отношение.

Дальнейшие этапы развития собственности имеют свою основу опять-таки в развитии обмена. Мы уже видели, как прогресс меновых отношений ведет ко все более глубокому обособлению организатора-вождя среди общины, ее представителя во всех меновых актах,—и как на этой почве выступает и укрепляется тенденция к признанию организатора собственником тех предметов, которые он приобрел путем обмена. Далее, мы видели, как прибавочный труд, возрастая в своем количестве, становится основой для новых и новых форм его присвоения, что ведет к усложнению и разнообразию видов и ступеней развития собственности, общинной, семейной, индивидуальной. На примере землевладения в феодальную и крепостную эпоху мы показали, насколько ошибочно применять современные понятия к отношениям собственности, вытекающим из иных способов производства; но мы показали также и то, каким образом прогресс обмена и усиление эксплуатации стремятся превратить все переходные и неразвитые формы собственности в ту законченную и типичную индивидуальную собственность, кодексом которой для поздней античной эпохи и для зарождавшегося на исходе средневековья буржуазного мира служило римское право.

Порожденная обменом и эксплуатацией, частная собственность представляет наиболее законченное воплощение власти над людьми их общественных отношений и, в свою очередь, порождает самые глубокие и прочные формы социального фетишизма.

Присущий ей момент обособления, противопоставления собственников—индивидуумов, принадлежащих в действительности к одному производственному коллективу,—создает то основное идеологическое извращение, что собственность понимается, как отношение *человека к вещам*, а не как отношение между людьми.

Отношение человека к вещам объективно может быть или техническим, когда он на практике пользуется ими для своих целей, или познавательным, когда он изучает вещи, чтобы получить опору для практического овладения ими. В обоих случаях отношение это по существу не индивидуально, а коллективно, даже там, где на-лицо имеется только одна человеческая особь; ибо в своих технических и познавательных актах отдельный человек всегда исходит из коллективно накопленного трудового опыта, применяет коллективно выработанные методы, и в самой постановке своих целей определяется—в конечном счете—своей социальной средой. С этой точки зрения легко раскрывается основная иллюзия, идеологически окутывающая и затемняющая собою объективное содержание всякой «собственности».

Что собственность не есть реальное, т. е., положим, техническое отношение человека к вещам, которые ему «принадлежат», это легко видеть на таких, очень обычных фактах, когда «собственник» вовсе не приходит в действительное соприкосновение с той или иной вещью, составляющей его «собственность». Так, богатый человек зачастую никогда в своей жизни не увидит многих предметов, принадлежащих к его «имуществу»,—может даже не знать их названий, как, напр., живущий в городе землевладелец не знает названий тех или иных вещей, входящих в инвентарь его поместий, тех или иных растений, растущих на его полях, и т. под. Что «собственность» не есть отношение личности к вещам познавательное, или, как обыкновенно выражаются, «идеальное», это ясно хотя бы из того, что «собственником» бесчисленных вещей может являться новорожденный младенец или безнадежный идиот.

Анализ подобных фактов с очевидностью обнаруживает, что собственность—это отношение между людьми, или, точнее, отношение общества к данной личности «собственника» и к данным вещам. Так, если ребенок, сам того не зная, является собственником многих различных вещей, то не ясно ли, что это вовсе не его отношение к вещам, а отношение общества, в котором он живет, к нему и к тем вещам одновременно? Производственная основа подобных отношений глубоко скрыта под историческими оболочками и наслоениями, одевающими развитие социального разделения труда, она недоступна сознанию «собственников», и неизбежно фетишистически отражается в их мышлении.

Тут завершается и закрепляется идеологическое выделение личности из общества: частная собственность—это и есть принцип индивидуализма. Противопоставление «своего» и «чужого» в рамках общества отгораживает человека от человека подобно тому, как забор отгораживает его участок земли от других участков. Другие люди объективно—сотрудники данного лица в производственной системе, субъективно для него—«чужие», не связанные с ним, экономически без-

различные или враждебные существа, тогда как вещи, принадлежащие ему как собственности, объективно—элементы внешней, несоциальной, покоряемой обществом природы, субъективно для него—нечто «свое», не безразличное и не враждебное, а близкое и дорогое. Реальная связь сотрудничества с другими людьми не только скрывается от сознания, но и замещается в нем фиктивной связью с вещами: человек *не-социально* относится к другим людям, и *социально*—к вещам. Таков фетишизм частной собственности.

По мере своего развития, он все полнее подчиняет себе людей и проникает собою всю их жизнь, все их мышление. Частная собственность определяет тогда собою и строение общественной организации, и условия существования личности. Роль человека в системе производства зависит от того, какие средства производительной деятельности ему «принадлежат» или не принадлежат. Сын ремесленника продолжает специальность своего отца, потому что по наследству получил от него мастерскую и орудия; сын помещика становится общественным паразитом, потому что он—собственник земли с живущими на ней крепостными, и т. под. Вся последующая история культурного человечества до наших дней может рассматриваться, как история развития форм частной собственности, от феодальной и мелкобуржуазной до крупнокапиталистической, до высшего процветания и начинающегося упадка этой последней.

Логический анализ элементов менового процесса приводит к тому, что частная собственность представляется *предпосылкой* обмена. Но это только потому, что мы имеем дело с уже развитыми товарными отношениями. Исторически же, как раз наоборот, именно обмен был той силой, которая создавала частную собственность и прогрессивно преобразовывала ее формы. Меновой фетишизм, в различных его проявлениях, был основой развития фетишизма собственности, который есть его продолжение и обобщение. Перенос объективных социальных отношения людей в продукты их труда, под именем «стоимости» товаров, человек субъективно становится в то «социальное» отношение к этим продуктам, которое обозначается словом «собственность». Только то, что имеет «стоимость», является жизненно близким человеку, в качестве его «собственности»; скрытая в вещах сила кристаллизованного человечества труда делает это, как это с очевидностью обнаруживается в отношениях рабства и крепостного права, и вообще во всякой купле-продаже власти над людьми или их помощи и содействия.

Становясь принципом общественной организации, частная собственность завоевывает и преобразует, приспособляя к себе самые различные области идеологии. Жизнь правовая весьма рано проникается этим принципом и подчиняется ему; о том свидетельствует выработка римского права в древнем мире и его «рецепция», принятие разными странами в конце

Средних веков и в начале Нового времени. Медленнее и позже принцип этот получает такое же господство в сфере морали, вообще более консервативной, чем право, и дольше сохраняющей преобладание авторитарной тенденции: только в буржуазном мире успевает сложиться последовательно-индивидуалистическая этика, где царит дух собственности и расчета.

Организация семьи, не перестраиваясь целиком на этой новой основе, в сильной степени подвергается ее влиянию, превращаясь в комбинацию кровно-авторитарных отношений с индивидуально-собственническими: легко видеть, как тесно сочетаются оба эти элемента, напр., в отношении главы семьи к его жене и их детям. — С другой стороны, организация государства, долго еще сохраняя авторитарную схему в своем строении, на деле все более становится организацией охраны и развития частной собственности, пролагая путь к ее полному господству, иногда сознательно и планомерно, чаще непреднамеренно и стихийно.

д) Общий характер пред-капиталистической идеологии.

Мы обрисовали те элементы пред-капиталистической идеологии, в которых выражаются прогрессивные тенденции эпохи, элементы, связанные с главными силами развития, двигавшими тогдашнее общество по пути к капитализму. Ибо в изучаемом периоде натурально-хозяйственные силы развития утрачивают почти всякое значение сравнительно с возрастающими силами меновыми — рыночной борьбой в различных ее формах, возникающими из нее потребностями приобретения и накопления, наконец, начинающейся борьбой экономических классов, еще не вполне определившихся, но, благодаря именно ей, все более определяющихся.

Но если движение общества зависит уже от новых стимулов прогресса, то его *строение* тогда все еще характеризуется преобладанием старых экономических элементов, в большей своей части застойных, в некоторой части — вырождающихся. Крепостная деревня глубоко подавлена грубым авторитаризмом помещичьей власти, — а деревня в ту эпоху образует наиболее значительную долю социальной системы; да и в самом городе цеховая организация по существу является смягченно-авторитарной, и весьма враждебна главной из новых сил развития — силе конкуренции.

В соответствии с этим находится идеологическое состояние общества. Благодаря относительному консерватизму идеологии вообще, здесь авторитарные элементы преобладают еще сильнее, чем в экономике общества. Религиозные формы мировоззрения всецело господствуют над массами, и даже течения наиболее прогрессивные одеваются в религиозную оболочку «ересей». Новое содержание с великими трудностями пробивает себе дорогу, вначале приспособляясь еще к старым

формам. Авторитарный консерватизм, опираясь на интересы феодальных и полуфеодальных слоев общества, ставит многочисленные препятствия прогрессу техники и познания. В эту эпоху трагическая судьба постигает большинство изобретателей, преследуемых и цехами, и духовенством, и под их влиянием — государственной властью; тогда же зажигаются священные костры для представителей свободной мысли, религиозной и научной.

Но вместе с частной собственностью, как ее отражение, развивается самосознание личности, которая уже не удовлетворяется прежними рамками, от века положенными пределами. Вместе с духом накопления и приобретения, выступает дух постоянного недовольства тем, что имеется, дух беспокойного стремления, искания новых путей и методов к обогащению — прежде всего экономическому, но затем также идеологическому, как могучему орудию для проведения в жизнь этих новых тенденций. Меновой фетишизм направляет волю и ум людей в глубоком противоречии с фетишизмом авторитарным, по всей линии его подтачивая.

Первыми носителями индивидуалистически-прогрессивного мышления оказались, естественно, городские торговые классы. Торговый капитал на деле начал то преобразование общества, которое вело к радикальной реформе общественного сознания. Но по мере того, как товарообмен расширял и укреплял свою власть над обществом, — и другие классы бессознательно и невольно поддавались новым тенденциям, а затем выдвигали из своей среды их идеологов. Трудность выработки новых форм мировоззрения заставила в поисках за ними обратиться к значительно успевшему уже их разработать античному миру: таков генезис гуманизма и Возрождения. Но базис античной культуры был слишком узок для нового европейского общества; пользуясь старым, оно создавало новое. Началась эпоха великих открытий и изобретений.

Это было преддверием капиталистической культуры.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ОТДЕЛ ПЕЧАТИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. и К. Д.

ПОД-ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Москва, Тверская, 66. Тел. 2-47-17.

Список изданий.

I. Серия биографий и характеристик революционеров, писателей, художников, музыкантов и т. д. под названием „кому пролетариат ставит памятники“. Со снимками с памятников или с портретами.

Вышли из печати.

1. В. Либнехт, Роберт Оуэн—60 коп.
2. Владимир Фирсов, Стенька Разин вольный атаман—1 руб.
3. В. Фриче, Эмиль Верхарн—60 коп.
4. Р.—А., Лудвиг-Ван-Бетховен—60 коп.
5. Эрес, Михаил Александрович Врубель—1 р. 20 к.
6. Ярославский, И. Г. Чернышевский—60 коп.
7. Ю. Стеклов, Степан Халтурин—1 руб.
8. Ю. Стеклов, Карл-Маркс. Учитель—народов—2 р. 50 к.
9. Сокол, Врут.—2 р. 50 к.
10. И. А. Белоусов, Т. Г. Шевченко—3 р.
11. В. Фриче, Э. Золя.—2 р. 50 к.
12. Двойлацкий, Энгельс.—3 р. 50 к.
13. Ольминский, Салтыков-Щедрин.—2 р. 50 к.
14. Бергман, Новикоз.—3 р.
15. И. Степанов, Марат.—2 р. 50 к.

Подготавливаются к печати.

16. Е. Ярославский, Бланки.	23. В. Фриче, Байрон.
17. Батурин, Вебель.	29. В. Фриче, Виктор Гюго.
18. Новицкий, Бабеф.	30. В. Фриче, Ибсен.
19. Лукин, Робеспьер.	31. Эрес, Капренский и Козловский.
20. Новицкий, Гарибальди	32. В. В. Покровский, Кольцов и Никитин.
21. Ю. Стеклов, Бакунин.	33. Стеклов, Чернышевский.
22. К. Левин, Пестель и Рылеев.	34. Фельдман, Жорес.
23. К. Левин, А. И. Герцен.	35. Д. Кулашева, Мусоргский.
24. Орлов, Желябов.	36. Вышеславцев, Сезанн.
25. Орлов, София Перовская.	37. Вышеславцев, Суриков.
26. Катанян, Калиев.	38. Гласберг, Шопен.
27. Гиммельфарб, Михайловский.	39. Рабич, Добролюбов.

Кроме того, намечены к печатанию биографии и характеристики: А. Толстого, Лассалля, Спартана, Т. Гранха, Дантона, Болотникова, Караказова, Плеханова, Лаврова, Некрасова, Г. Успенского, Сновороды, Руссо, Вольтера, Рублева, Иванова, Достоевского, Добролюбова, Радищева, Алексеева, Сярыбина, Римского-Корсакова, Казанова, Шопена, Мочалова, Комиссаржевской, Менделеева, Гейне и др. Всего будет издано до 80 книжек.

II. Научно популярная библиотека.

СЕРИЯ I-Я. ПРОИСХОЖДЕНИЕ и РАЗВИТИЕ МИРА.

ПЕЧАТАЕТСЯ.

1. К. Малинин. Происхождение и развитие земли.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ.

2. К. А. Тимирязев, Происхождение и развитие нравственного чувства.

СЕРИЯ II-Я. РЕЛИГИЯ и ЦЕРКОВЬ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

1. Иевлиев. Происхождение креста, 60 коп.

III. Социально-политическая библиотека.

ПЕЧАТАЕТСЯ.

1. Каутский, и др. предшественники социализма. Пер. Базарова и Степанова, пересм. по 2-ому изд. Степановым 3 тома.

2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Святой Макс, Критика Штюрмера. Перев. и предисловие Гиммельфарба.
3. Энгельс, Марксизм в практике. Пер. с нем. Гиммельфарба с предисл. Ю. Каменева.

IV. Экономическая библиотека.

1. А. Богданов и И. Степанов, Политическая экономия, т. I, 10 р.
2. Р. Люксембург, Накопление капитала. Пер. Двойлацкого (печатается).
3. Гильфердинг, Финансовый капитал, 4-ое изд. Пер. И. Степанова (под к. печ.).

V. Библиотека социальных мыслителей.

Намечено к печати ряд отдельных монографий, посвященных социальным мыслителям от Платона до наших дней. Каждая монография будет не менее 5 печ. листов и снабжена портретом.

VI. Библиотека социальных романов.

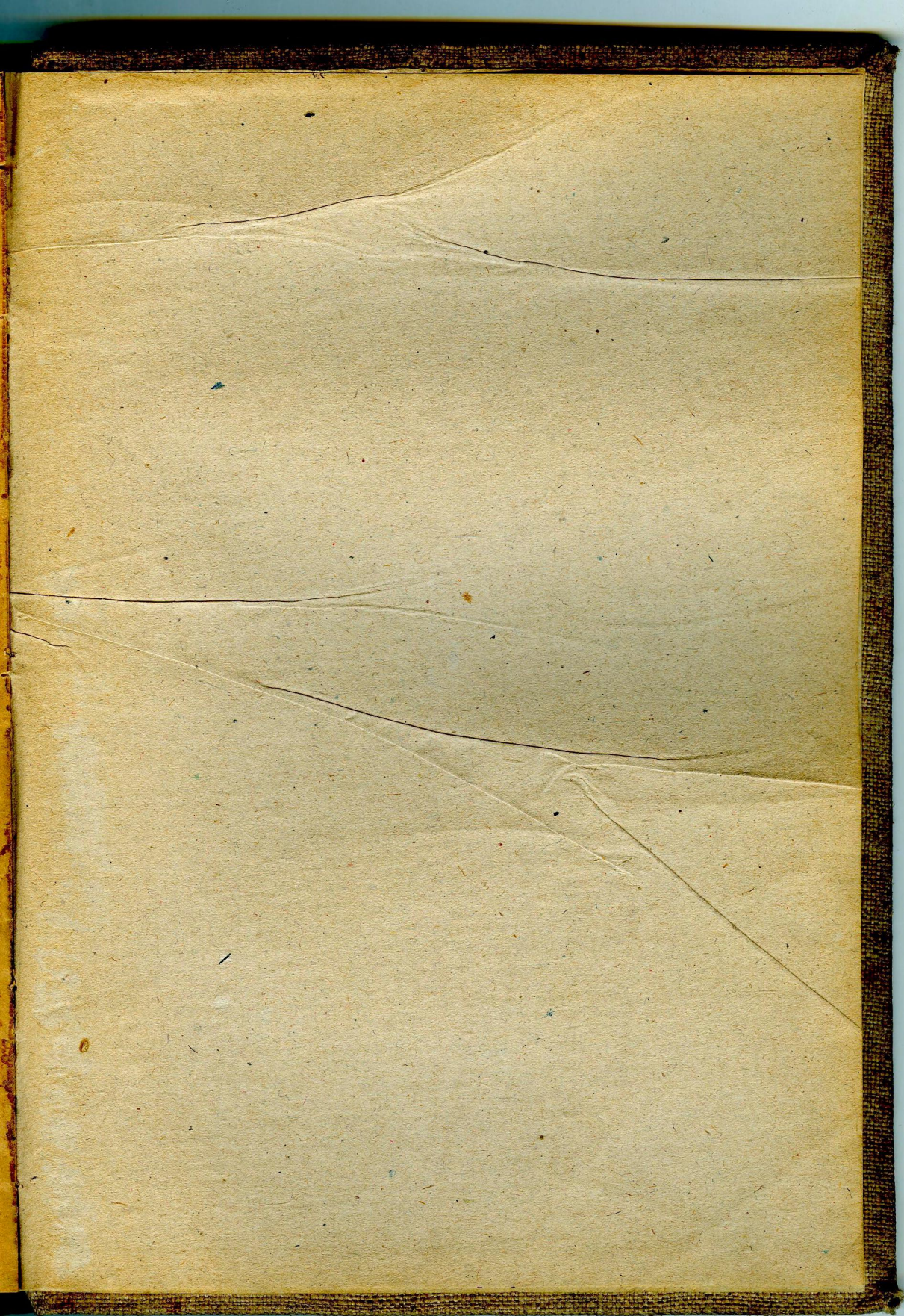
Под ред. В. Фриче и Гиммельфарба. В эту библиотеку войдут сочинения Баллеса, Бучелье, Геона, Мореля, Рони, Денова и др.

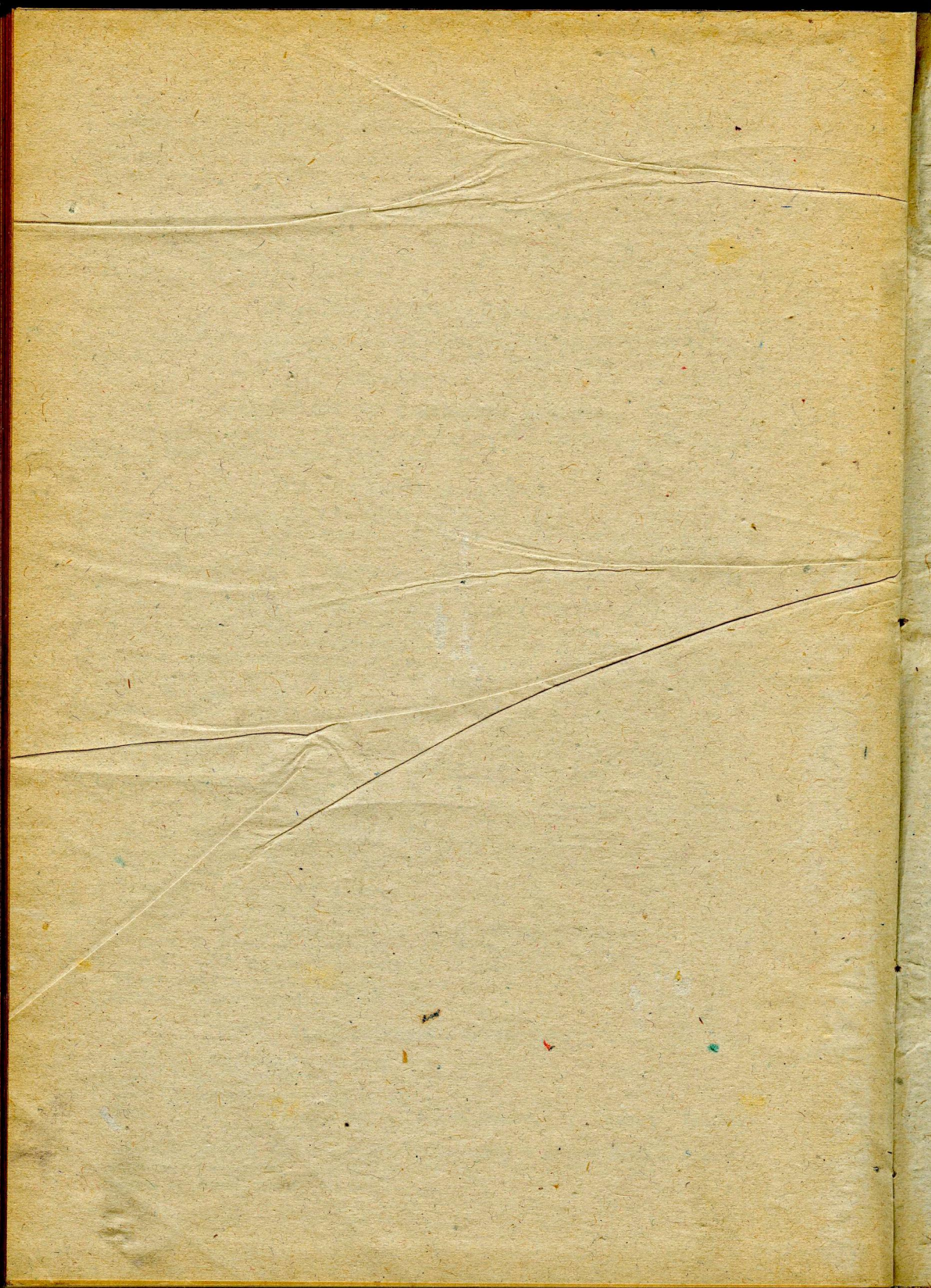
VII. Разные издания.

1. Ленин, Речи и статьи 1917—18 гг. (под к. печ.).
2. А. Тома, История Второй Империи Ж. Жорес, Французско-Прусская война. Пер. Ю. Стеклова (печ.).
3. Н. А. Тимирязев, Наука и демократия. Сборник статей 1904—1917 гг. (печ.).
4. Москва в Октябре 1917 года. Сборник—10 р.
5. Денбарское восстание в Москве 1905 года. Сборник (печ.).
6. На заре рабочего движения в Москве. Сборник (печ.).
7. Ю. Каменев, История партии коммунистов в России—2 р. 50 к.
8. В. Фриче, Социальная литература и социальное искусство XIX—XX вв. Курс лекций, чит. в Социальной Академии в 3 вып. (под к. печ.).
9. Бебель, Мемуары, т. III, 6 руб.
10. Юзефович-Шпинан, Социальное юношеское движение за границей и в России 1 р. 25 к.
11. Анненштейн, История рабочего движения в Англии, Франции и Германии 3.50.
12. Памяти К. Маркса. Сборник, вып. I, 1 р. 50 к., вып. II, 3 руб.
13. Блонский, Школа и рабочий класс, 60 коп.
14. И. С. Емов, Указатель литературы по внешкольной культурно-просветительной работе среди детей, подростков и взрослых.—12 р.
15. Членов, Московская охранка и ее секретные сотрудники.—5 р.
16. М. Паушкин, буржуазия и пролетариат в революциях 1850 и 1848 гг. во Франции.—4 р. 50 к.
17. Д. Рязанов, 19 февраля.—1 р. 60 к.
18. Д. Рязанов, Обуховское дело.—3 р. 50 к.
19. Д. Рязанов, Г. В. Плеханов и группа. Освобождение труда.—5 р.
20. Д. Рязанов, К. Маркс и люди сороковых годов (печ.).
21. Д. Рязанов, международный пролетариат и война (печ.).
22. А. Щунин, Основы устройства сцены (печ.).
23. Масловский, Раскрепощение книги (печ.).

VIII. Художественная литература.

1. А. Чехов, дом с мезонином, 65 коп.
2. Тургенев, Бежин луг, 65 коп.
3. Тургенев, Однодворец Овсянников, 65 коп.
4. Кобзарь, Т. Г. Шевченко, перев. И. Белоусова (со вкл. запрещ. стихов)—17 р. 50 к.
5. А. Франс, Восстание ангелов, перев. В. Брюсова (со вкл. запрещ. стихов).
6. Серафимович, Рассказы, 2 руб.
7. Серафимович, Впечатления, 60 коп.

Bp 50K